

Дума о динозаврах

Michael Crichton и Михаил Булгаков

Сегодня — 1994, 23 января — 9:10

Саратов

Роман Арбитман

С

транно, что этого не заметили раньше: ведь о склонности Майкла Крайтона к ремейку было известно еще с 1979 года, когда тот (в качестве кинорежиссера) снял «Большое ограбление поезда» — очевидную вариацию на тему одноименной классической ленты Эдвина Портера. Правда, Крайтон покусился на американскую киноклассику на изрядном расстоянии от Америки, в Великобританию. И пока лента пересекала Атлантику, потенциальное возмущение обиженных за Портера если и было, то стихло.

Подобный же метод географической отстраненности от перво-

источника. Кроме того, музыкальные пристрастия романиста привели к замене вызывающей фамилии Rock на сугубо нейтральную. Сходными причинами объясняется и переименование профессора Персикова — в ином случае факт нахождения на территории Коста-Рики героя с такой фамилией потребовал бы дополнительной сюжетной мотивации (правда, Крайтон все-таки не удержался и назвал своего профессора Генри Ву — камешек в огород киноконкурента Джона Ву!). Не менее элегантно автор «Парка» решил проблему положительных героев, у Булгакова отсутствующих вовсе. По законам жанра Михаил Афанасьевич должен был сделать героем-избавителем кого-нибудь из геопеушников (Щукина или Полайтиса), первыми оказавших сопротивление прожорливым тварям. Но поскольку «Роковые яйца» написаны были в начале 20-х,

оказался даже от упоминания представителей фауны, соотношенных с тем или иным климатическим поясом и способных вызвать малоприятные ассоциации. Внепространственные твари из прошлого подходили лучше всего.

Совсем по иной причине Майклу Крайтону пришлось отказать от булгаковского варианта названия. Чтобы сделать ход повествования неожиданным, американский писатель поменял места два сюжетных блока. У Булгакова сюжет развивался в буквальном смысле ab ovo: сначала яйца, потом — громадные чудыша. Используя современные достижения генетики, Крайтон вывел динозавров в пробирках, и только потом выяснилось, что, невзирая на ухищрения ученых, выведенные твари еще и откладывают яйца. Таким образом, эффектный булгаковский заголовок сделался вольной подсказкой, недопустимой для остросюжетного произведения; потому-то Крайтон, скрепя сердце, вынес на обложку маловразумительное и бесцветное словосочетание «Парк Юрского периода».

Что касается локализации места действия, то здесь сказались особенности литературного дарования американского романиста. Еще по «Штамму «Андромеда» было видно, что Крайтону неплохо удаются робинзонады, но он совершенно теряется в массовых сценах. По этой причине писатель сузил ареал распространения чудовищ до размера острова (а не целой страны, как у Булгакова) и позволил, чтобы возмездие Ву-Персикова пришло не от разъяренной толпы, но от лалы созданного им древнего гада. В известном смысле это даже символично.

Думаю, после вышеприведенных соображений ни у кого не останется сомнений, что роман Майкла Крайтона — типичный ремейк. Несмотря на этот бесспорный факт, поклонники М. А. Булгакова не могут предьявить юридических претензий американскому писателю и тем паче потребовать в последующих изданиях хотя бы ссылок на произведение нашего классика. Беда в том, что повесть Булгакова крепко привязана к конкретному историческому времени, и вне его адекватное понимание вещи затруднено (можно лишь догадываться, с какими чувствами Булгаков заставлял в повести «несокрушимую и легендарную» РККА терпеть поражение от совершенно внесклассовых гадов). Крайтон написал роман, сумев максимально абстрагироваться от политических и прочих текущих реалий. Для нас же сегодня отсутствие политической актуальности выглядит несомненным достоинством. Да и какая, собственно, может быть злободневность в истории о том, как вырвались из заключения и начали кушать людей пара тиранозавров, полдюжины птерозавров и целая куча хищных велоцирапторов?

Любопытно, однако, что совсем недавно поприехавший было спрос на роман «Парк Юрского периода» вновь неожиданно вырос. Социологи Института книги пока не дали объяснения этому загадочному феномену.

KENNY ROGER/REUTER

источника был использован Майклом Крайтоном совсем недавно, когда тот замахнулся уже на русскую классику. Имею в виду роман «Парк Юрского периода» — беспорядный ремейк повести Михаила Булгакова «Роковые яйца». Фокус Крайтона не был замечен в США, но стоило издательству «Вагнус» выпустить перевод романа, как все встало на свои места. Работа, разумеется, сделана профессионально. Как и в случае с Портером, Крайтон сумел превратить небольшое по объему произведение-матрицу в нечто крупномасштабное («Парк» оказался больше повести М. Булгакова в девять (!) раз), мастерски используя в качестве наполнителя целый ряд атрибутов из арсенала сайенс-фикшн. Опубликованная Ад. Метелкиной в «Сегодня» (№ 16) подробная рецензия на роман М. Крайтона избавляет автора этих строк от обязанности досконально пересказывать фабулу и знакомить читателя с героями. Отметим лишь ряд любопытных обстоятельств, касающихся метаморфоз булгаковского текста.

Прежде всего, Крайтону пришлось немало поработать с персонажами. Понятны причины, по которым совлудящий Александр Семенович Рокк стал миллионером-авантюристом Хэммондом: совлудящие за океаном — явление столь экзотическое, а авантюрные толстосумы — столь типичное, что перекладывать общеизвестные грехи последних на плечи первых было бы просто

до появления произведений Л. Овалова, Л. Шейнина, Ю. Семёнова и др., Булгаков просто не догадался, что положительными героями могут быть рыцари с Лубянки, а потому позволил обоим геопеушникам пасть смертью храбрых задолго до финала. Майкл Крайтон не имел право на подобное расточительство кадров и сохранил жизнь своему Алану Гранту. Другое дело, что писателю пришлось отказаться от соблазнительного намерения определить Гранта хотя бы в ФБР, сделав его, в конце концов, мирным палеонтологом. Ибо чрезмерные познания в динозавроведении казались бы подозрительными для рядового (или даже нерядового) сотрудника Бюро. Обширная палеонтологическая эрудиция героя вызвала к жизни еще двух персонажей, которых не было у Булгакова, — малолетних детей, вынужденных на протяжении нескольких сот страниц выслушивать полезные лекции о жизни рептилий.

Особого разговора требует и вопрос о трансформациях облика чудовищ. А именно — о замене гигантских змей, крокодилов, страусов и т. п. (у Булгакова) допотопными динозаврами (у Крайтона). Ад. Метелкина уже отмечала гуманность и заботу, с которыми Майкл Крайтон обращается с читателями. Заведомо предполагая, что среди них непременно найдутся бывшие участники войны во Вьетнаме или молодые ветераны памятной операции «Буря в пустыне», Крайтон сознательно